

بهر بسیار غمگین و دلجو
مردم ما از روی خوشی و توقع است
زاده

(۲۹)

ЖАЛЕ

ЕСЛИ ЛОДКА МОЯ...

Я И МОРЕ

Глаз оторвать от моря не могу,
От моря бури, грохота и бедствай.
Под бурей на цветущем берегу
Есть город сказочный, приснившийся мне
в детстве.

Любой бедняк, когда он в путь рискнет
И берега желанного достигнет,
Навек покой и счастье обретет,
А буря вдруг уляжется и стихнет.

Никто и никогда не плачет там,
Никто и никого там не боится,
Ни жертвам мести нет, ни палачам,
Ни стражникам, ни узникам в темнице.

Там ни детей голодных, ни больных,
Ни горя, ни отчаянья в помине,
Ни нищих, что на пыльных мостовых
За подающим руку тянут ныне.

Ни злых, ни кровожадных — верь не верь, —
Никто бровей случайно не нахмурит,
Там человеку человек не зверь, —
Вот что за город спит под этой бурей.

Все плавает в сиреневом дыму,
Как жемчуг, брызги зелень оросили,
И ни тоски по краю моему,
Ни горького сознания бессилья.

Зачем же медлю я на берегу,
Пока душа и мышцы не ослабли?
О, скольких трудностей я сразу избегу,
От скольких бед и зол себя избавлю!

В пучину моря броситься и плыть,
Откинув страх, откинув мысль о боли.
Единным мигом риска заплатить
За годы ожидания и неволи...

Грохочет море — небо и вода.
В душе и теле буря закипает.
С моей земли — ни шагу никуда!
Моей любви никто границ не знает.

Ты помнишь ли, как я сквозь детский плач
Тебе давала предостереженья:
Чтоб не кичиться в случае удач,
Чтобы не хныкать, вида пораженье.

Строй новое, отжившее — на слом.
В сторонке отсидеться не пытайся.
Зла не чини и не мирись со злом,
И сам не лги и ложью не питайся.

Мы родину свою любить должны,
И говорят нам вечные странницы:
Когда своей ты не согнешь спины,
Судьба перед тобою преклонится.

ЕСЛИ ЛОДКА МОЯ... *Моя лодка села на ил:
Нило Юшидке.*

Если лодка моя сядет дном на мель, на ил,
А ждет меня берег, куда плыву,
Я закричу, насколько достанет сил,
И все силы души моей призову.

Призову я гнев, кипящий во мне,
Призову надежду и веру мою,
И все молнии, что сверкают во мне,
И все ливни, что копаются в глубине,
Чтобы хлынуть на знойную землю мою.

К жизни вызову чувств половодье я,
Половодье ненависти и любви.
И сорвется с ила моя ладья,
По широкому морю, ладья, плыви!

Нам с тобой нельзя назад повернуть,
Не пристало зигзагами нам юлить.
Для тебя намечен праведный путь,
К заповедному берегу надо плыть.

Мы лишенья терпим с тобой не зря,
Мы с тобой плывем под флагом добра.
Над морским простором встает заря,
Завтра будет лучше, чем было вчера.

ТЕЛЕФОН

О бог, о черный идол телефон!
Звоню собой все тонкости являет —
То благозвучен, как журчанье, он,
То, словно выстрел, вздрогнуть заставляет.

Шекспир, Данте, Гомеры, Фирдоуси, Хафизы,
Хайямы.
Пусть помогут свести мне с концами концы,
«Что такое жизнь?» — пусть ответят прямо.

Я их вопрошаю и слышу, в ночи тогда
Отвечает мне голос времен прошедших:
«Жизнь — это сказка. Но вот беда,
Рассказывает ее сумасшедший».

Но если эти слова правы,
Если бред сумасшедшего — все, что есть
на свете,
Зачем же, мудрецы и умники, вы
Внимали той сказке, радуясь, словно дети?

И любовь моя и мой страдания — это бред?
И мысль моя — бред, что до вас долетает?
И почему, когда увядает надежды цвет,
Сто новых надежд на месте его расцветает?

Нет,
Опять ничего я не знаю. Нет,
Светает.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

Я решила построить для себя
Хрустальный замок,
Чтобы там уединиться и возлечь
На ложе из розовых лепестков,
Окруженной нарциссами,
И дремать под журчанье фонтана.
И замок готов.

Я лежу на изнеженном розовом ложе,
Я вдыхаю пьянящие ароматы.
И мой слух улаживают певчие птицы.
Но что такое?

Вдруг я вижу себя в разъяренной толпе,
Воздвигающей баррикады.
Я кричу и бегу с оружием в руках,
Прорывая заслон полиции.

Вот в числе заключенных
Меня бросают на пол, который грязен и сер.
Вот в числе обреченных
Рано утром меня ведут на расстрел.
Я еду в район, где гуляет чума,
Я пустыне даю благодатную воду.
Зажигаю я факел, где полночь и тьма,
Над толпой поднимаю я знамя свободы.

И ни тоски по краю моему,
Ни горького сознания бессилья.

Зачем же медлю я на берегу,
Пока душа и мышцы не ослабли?
О, сколько трудностей я сразу избегу,
От скольких бед и зол себя избавлю!

В пучину моря броситься и плыть,
Откинув страх, откинув мысль о боли.
Единым мигом риска заплатить
За годы ожидания и неволи...

Грохочет море — небо и вода.
В душе и теле буря закипает.
С моей земли — ни шагу никуда!
Моей любви никто границ не знает.

СЫНУ-САМОМУ ДУРОМУ - БОЖАНТУ

Нет тридцати, а голова твоя седе,
То ранняя ли снежная пороша?
Или в твоих возделанных седах
Дерев цветенье с белым снегом схоже?

Да, знаю я, что сердцем молод ты,
В душе твоей надежды не разбиты.
Но горечь мира рано понял ты,
Где этот нищ, а эти слишком сыты.

И строгость глаз, и эта седина,
И складка, что у рта, мне не простятся.
Моя заслуга и моя вина,
Мои, увы, посеветы колосятся.

Ночами терпеливыми без сна,
Когда я колыбель твою качала,
Я истины бросала семена,
И справедливость щедро высевала.

Не сосчитать прочитанных страниц,
Не перескажешь снова сказок детства,
И плакал ты, жалея слабых птиц,
И весь кипел при имени злодейства.

О детство, о прекрасные мечты!
Где эти сказки, эти песни ныне?
Все, все прошло, теперь есть только ты
И жизни неприступная твердыня.

Нам с тобой нельзя назад повернуть,
Не пристало зигзагами нам колить.
Для тебя намечен праведный путь,
К заповедному берегу надо плыть.

Мы лишены терпим с тобой не зря,
Над морским простором встает заря,
Завтра будет лучше, чем было вчера.

ТЕЛЕФОН

О бог, о черный идол телефон!
Звонюк собой все тонкости являет —
То благозвучен, как журчанье, он,
То, словно выстрел, вздрогнуть заставляет.

Кричи, воли, ликуй, казни, проси,
Лишай нас расстояний, океанский,
Неси в пустыню голос мой, неси
Его через моря и океаны.

Чего-чего ты только не даришь,
Все новости, и боль, и горе тоже.
Но иногда зато ты говоришь
Тем теплым голосом, который всех дороже.

То трубка ледяная, то в огне,
То гасну я, то воскресая снова.
Ну, принеси же ради бога мне
О новой долгожданной встрече слово.

ОПЯТЬ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ...

*Жизнь — это сказка,
которую рассказывает
В-Шекспир.*

МАГДЕМ

Когда засыпает город и все вокруг,
Когда на небе загораются звезды,
В глубину веков ухожу я за кругом круг,
Ищу ответов на все вопросы.

Там, в прошедших веках, остались поэты
и мудрецы,

И лежу на изнеженном розовом шелке,
Я вдыхаю пьянящие ароматы.
И мой слух улаживают певчие птицы.
Но что такое?
Вдруг я вижу себя в разъяренной толпе,
Воздвигающей баррикады.
Я кричу и бегу с оружием в руках,
Прорывающая заслон полиции.

Вот в числе заключенных
Меня бросают на пол, который грязен и сер.
Вот в числе обреченных
Рано утром меня ведут на расстрел.
Вот я еду в район, где гуляет чума,
Я пустыне даю благодатную воду.
Зажигаю я факел, где полночь и тьма,
Над толпой поднимаю я знамя свободы.

Лепестки разлетаются, пугт водоём,
Соловьи ужомлают. Никнут пышные розы,
Скрежет, лязг и стенания в замке моем,
Крики, выстрелы, гимны в замке моем,
Мир двадцатого века,
Обвалы и грозы.

ИЗОБРЕЛ ЧЕЛОВЕК...

Изобрел человек...
Человек?

Изувер, сатана!
Если кнопку нажать,
То исчезнут все люди, но останутся целыми
вещи.

Что ж, любуйтесь картиной —
Копыбелька цела, но пуста, неподвижна она.
Свет по-прежнему в окнах горит,
Но погашен в глазах.

Колосятся хлеба,
Но их некому жать и косить,
Зеленеет трава,
Но коров не пригонят пасты.
И бульвары и парки пусты.
Одичала земля.
Зарастает бурьяном она.
Изобрел человек...
Человек?
Изувер, сатана!

Перевел с персидского
Вл. СОЛОУХИН.